

взаимоотношений родителей писательницы, библейские элементы трансформируются в соответствии с модернистскими исканиями афроамериканки: определяется роль Библии в жизни главных персонажей произведения, анализируется характер их религиозности. Подчеркивается синкретичный характер афроамериканской религиозности, что влечет за собой реконструирование библейских мотивов и их гибридизацию с архаическими верованиями населения.

Литература

1. Ciuba, G. The Worm against the Word: The Hermeneutical Challenge in Hurston's *Jonah's Gourd Vine* / G. Ciuba // *African American Review*. – 2000. – № 1. – Vol. 34. – P. 119–133.

2. Hurston, Z. N. *Jonah's Gourd Vine* / Z. N. Hurston. – N. Y.: Harper Collins, 1990. – 229 p.

Harriss, M. Cooper. Preacherly Texts: Zora Neale Hurston and the Homiletics of Literature / M. Cooper Harriss // *Journal of Africana Religions*. – 2016. – № 2. – Vol. 4. – P. 278–290.

Вуду в романе Зоры Нил Херстон «Тыквенное дерево Ионы»

*Афанасьева Ю. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. зав. каф. Бутырчик А. М., канд. филол. наук, доцент*

Вуду – гибридная религиозная практика, ряд синкретических культов, в которых языческие верования афроамериканцев соединяются с христианским учением. Вудуистский пантеон состоит из единого бога, Гранд Ме, и ряда низших духов, лоа. Институт жречества не имеет четкой иерархии. Все божества делятся на три класса: Рада (доброжелательные лоа, восходящие непосредственно к божествам Африки), Петра (недоброжелательные лоа, вошедшие в пантеон позднее, возникают под влиянием индейских культов) и Геде (лоа смерти и порока). Соответственно, существует «белая» и «черная» разновидности вуду. Первая – позитивная магия, направленная на предсказание будущего, совершение обряда инициации, исцеление больных. Вторая разновидность, худу (hoodoo) – негативная. Ее действия направлены на манипулирование, наведение порчи или убийство ради выгоды того, кто заказывает ритуал. Церемонии вуду проводятся в специальных помещениях (унформ, умфо), в центре которых находится столб (пото митан), символизирующий ядро мира, и сопровождаются песнями, экстатическими танцами, молитвами под ритм барабанов. Во время ритуалов используются различные натуральные атрибуты (растения, специи), совершаются животные жертво-

приношения. Широко распространено начертание специальных символов для призыва определенного лоа, использование талисманов и оберегов.

Зора Нил Херстон, одна из крупнейших афроамериканских антропологов и собирателей фольклора первой половины XX в., отводит религиозной практике вуду главы в сборнике фольклора «Мулы и люди» (*Mules and Men*, 1935) и полностью посвящает ей травелог «Расскажи моей лошади» (*Tell My Horse*, 1938). Кроме того, вплетая религиозные мотивы в канву произведений, она, по словам Дафны Ламот, тем самым разрушает стереотипное их восприятие: «Подтекст вуду представляет собой грань примитива, которая выходит за рамки стереотипов о плантациях и кроликах в джунглях, которые доминировали в эпоху Гарлемского Ренессанса» (Перевод с англ. здесь и далее мой. – Ю. А.) [3, p. 161]. Вуду, по мнению Зоры Нил Херстон, является тем аутентичным средством, с помощью которого возможно «дать голос» афроамериканской диаспоре, в частности женщинам. Объектом исследования данной статьи является художественная репрезентация вуду в романе Зоры Нил Херстон «Тыквенное дерево Ионы» (*Jonah's Gourd Vine*, 1934).

Джон Бадди Пирсон, главный герой романа, проходит путь от неграмотного мальчика до одного из ведущих проповедников церкви в Итонвиле. Дар красноречия помогает ему создавать проповеди, пробуждающие чувства прихожан. В его проповедях христианские истории обрабатываются с помощью ритмизации, характерной для тантрической практики молитвы в вуду: «He rolled his African drum up to the altar, and called his Congo Gods by Christian names» [2, p. 89]. Магия слова используется Джоном для убеждения других, но мужчина постепенно растрчивает свою силу. Его последнюю похоронную молитву Зора Нил Херстон называет «barbaric requiem poem» [2, p. 201]: «And the hearers wailed with a feeling of terrible loss. They beat upon the O-godoe, the ancient drum. O-go-doe, O-go-doe, O-go-doe!» [2, p. 202].

В романе практика вуду тесно связана с женщинами. Люси, многобрадная жена Джона, – христианка, но в ее речи проскальзывает афроамериканское языческое наследие. Проживая праведную жизнь, Люси передает «женскую» силу дочери (позитивная магия вуду) вместе с брачным ложем. Любовницы Джона – суккубы, вытягивающие из него силу. Последняя из них, Хэтти, становится второй супругой проповедника. Она практикует худу, чтобы убрать соперницу и привязать мужчину к себе. Хэтти можно сравнить с темной стороной богини пантеона вуду Мари Ливо: «Hattie was a goddess for the moment. She sat between the Cherubim on the altar of destruction» [2, p. 167]. Эн Дэнжи Дево, к которой женщина обращается за помощью, и есть «root doctor», образ которого Зора Нил Херстон рассматривает в статье «Hoodoo in America» [1]. Постепенно приворот становится очевидным. Друзья Джона пытаются спасти его. Брат Харрис утвердительно отвечает на вопрос Хэтти, верит ли он в вуду. Хамбо убеждает друга остановить магическое

воздействие приворога. Джон разрушает заклинание – и Хэтти дает ему развод. Это стоит бывшему проповеднику положения в обществе. К мужчине возвращается свобода действий и приходит горькое осознание ошибок.

Таким образом, в романе Зоры Нил Херстон «Тыквенное дерево Ионы» религиозная практика вуду функционирует в качестве полноправного элемента сюжета. Через нее писательница деконструирует стереотипы, указывая на важность архаических практик для понимания мировоззрения афроамериканцев. Вуду не только является экзотическим элементом повествования, но и репрезентирует социальную проблематику романа.

Литература

1. Hurston, Z. N. Hoodoo in America / Z. N. Hurston // The Journal of American Folklore. – 1931. – № 174. – Vol. 44. – P. 317–417.
2. Hurston, Z. N. Jonah's Gourd Vine / Z. N. Hurston. – N. Y.: HarperCollins, 1990. – 229 p.
3. Lamothe, D. Vodou Imagery, African-American Tradition and Cultural Transformation in Zora Neale Hurston's «Their Eyes Were Watching God» / D. Lamothe // Callaloo. – 1999. – № 1. – Vol. 22. – P. 157–175.

La vida comienza después de un café: problemas y oportunidades de la industria del café latinoamericano

*Балашиова В. П., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Сиянская Ю. И.*

El café es uno de los productos agrícolas de mayor importancia económica a nivel mundial, y ocupa el segundo lugar después del petróleo en cifras de comercio internacional, con los ingresos anuales mayores a \$15 mil millones de dólares para los países exportadores y da una fuente de trabajo a más de 20 millones de personas en el mundo. La región de la caficultura latinoamericana se encuentra desde Perú hasta México. Sin embargo, cuando leemos un periódico o charlamos con los amigos tomando un café, no sentimos en absoluto que problemas sufre la industria de nuestra bebida favorita. Entonces, ¿qué está pasando y por qué la situación con la caficultura es tan grave? [1, p. 8]

Las razones son las siguientes [2]:

1. Cambio climático con tales problemas como sequías, inundaciones, epidemias y, en general, todo el proceso del cambio climático.
2. Falta de la mano de obra a causa de la pandemia de COVID-19.
3. Aumento de la demanda de café y aumento del precio de esta bebida también están relacionados con COVID-19.